

Перечитывая военный дневник

«Соловьево! Сегодня это центр Соловьевского сельсовета и центральная усадьба колхоза имени 12 лет Октября. Старинная русская деревня... Переправу фашисты непрерывно бомбили. Куда бы бомбы ни падали, они попадали в цель — такова была плотность живой силы и техники у переправы. К тому же с севера и с юга переправу непрерывно атаковали сухопутные силы фашистов... Хорошо понимая, что у измотанной и поредевшей в боях 20-й армии не осталось боеприпасов, горючего и продовольствия, фашисты наседали», — так описывал автор книги об обороне Смоленска трагедию Соловьевой переправы.²⁸

Нелегко было нам саперам создавать Соловьеву переправу. Но еще труднее было ее многократно, ежедневно восстанавливать после систематических артобстрелов и налетов немецкой авиации. Помогал нам уже накопленный опыт создания переправ через многочисленные белорусские реки. До Соловьевой переправы было много других, которыми моя саперная рота обеспечивала поспешное отступление нашей 20-ой Армии. На тех переправах мы научились не только мгновенно восстанавливать разрушенные переправы, но и умению выживать, находясь на грани жизни и смерти...

14 июля 1941 года мы должны создать очередную переправу около Орши. Неожиданно не немецкие самолеты, а неизведанный ошеломляющий вой каких-то огромных снарядов, летящих с востока и оставляющих за собой над нами огненные хвосты, заставил броситься на землю. Но гром и пламя разрывов залпа неизвестных ранее «катюш» поразили не нас, а противника. Такого эффекта ни мы, ни фашисты не ожидали. Взятый позже в плен немецкий офицер тогда попросил: «Покажите ваши адские машины («катюши») и расстреляйте меня». Но снарядов было мало и, израсходовав их на эффектный залп, батарея ЗИСов умчалась. ... А мы продолжили обеспечивать отступление нашей Армии под усилившимся обстрелом противника...

В 17:00 поступил приказ отступать к Смоленску для инженерной подготовки города к длительной обороне. В сумерках бредем по автомагистрали Минск–Москва.

Ночь. Отступаем к Смоленску, нашу армию лихо гонит маленькая Германия. На сердце тревожно, однако логика не оставляет сомнений в близкой победе над фашизмом. Побольше бы снарядов для «катюш» ... В моей роте на десять человек только по семь винтовок, да и те без патронов, а у самого с командирами взводов только наганы (тоже без патронов).

15 июля 1941 года. Последние метры белорусской земли, дальше Смоленская Русь. Мать у меня белоруска, отец русский и я по паспорту русский. Печально проходят встречи с русско-белорусскими согражданами, которые угощают, чем могут, и просят скорее вернуться. Мы уверенно убеждаем их в скором возвращении...

После железнодорожной станции Красное свернули на проселочную дорогу и зашагали к лесу для дневной передышки. Нас встречает радушно старшина роты Василий Душак. Парят походные кухни, пахнет вкусным «подкреплением», готовятся котелки. Всех убаюкала мощь Оршанского триумфа «катюш»; о маскировке не думаем. Но вдруг налетели немецкие «юнkersы»; одни саперы бросились в лес, другие в рожь. Я

²⁸ Е. Максимов. Смоленск. Страницы героической защиты и освобождения города. М., 1990. С.84-87

замер среди разбросанных автопокрышек, кем-то куда-то недопоставленных. Покрышки тогда спасли мне жизнь, задержав многочисленные осколки, а многим не повезло...

Почему мы беззащитны перед налетами их авиации? В числе погибших оказался и старшина Душак. Он лежал, глядя мертвыми открытыми глазами, и мне казалось, что погибший напоминает о 4-й учебной роте саперного батальона в Витебске, где я был курсантом, а он старшиной. Мы все любили его за доброту, заботу, чистоту души и называли его фамилию без последней буквы: «Душа»!

Погибших похоронили. На могилы связистка Тоня уложила много васильков и венков из них. Политрук роты Дайнеко (земляк из Борисова) прочитал мое скороспешное стихотворное, посвящение светлой памяти незабвенного Душака:

Не знаю, вызреет ли рожь
Вокруг холма его могилы...
Но мы созреем. Не пройдешь
Из гниды вызревшая вошь.
Раздавим! Поднабравшись силы,
Мы Минск родной освободим,
Всем павшим Славу воздадим!
Мы в ваш Берлин войдем победно
И сгинет ваш фашизм! Бесследно! ...

Ночь. Движемся на север от станции Красное и через километры 20 поворачиваем на восток к Смоленску. На его улицах идут ожесточенные бои: немцы обошли нашу 20-ю Армию и с севера, и с юга, мы в огненном кольце. Неожиданно, непосредственно от самих немецких офицеров узнаем, что Берлин оповестил мир о захвате Смоленска, когда мы подходили к нему с запада. Тогда нас обогнал отечественный ЗИС, из крытого кузова которого раздавались пьяные голоса на... немецком языке. За рулем наш красноармеец, который мгновенно выполнил приказ остановить машину. Оказалось, что этого нашего пленного шофера заставили везти в Смоленск немецкие штабисты и медики, наряженные в парадную форму. Там они желали поспрашивать, попить пива и полакомиться смоленскими пряниками. Обмануло их берлинское радио, и они оказались в плену западнее Смоленска.

16 июля 1941г. Утром получаю приказ возвращаться в Белоруссию (в район деревни Бабиновичи Витебской обл.). Там прорывается из окружения танковое соединение, а немецкая авиация разбомбила мосты через речку Верихта (у ее впадения в Лучесу, приток Зап. Двины). Необходимо срочно создать переправу для танков. Повернул роту, двинулись в обратную сторону на запад. Проходим мимо живописного озера, покрытого в середине июня как будто льдинами. Это бомбами и снарядами, разорвавшимися в озере, была оглушена рыба; смерть заглянула и сюда.

У моста через реку дорогу преграждают три красноармейца, которые получили приказ из той же 20-ой Армии взорвать мост. Они уже заложили взрывчатку и подвели провод к взрывной машинке ПМ-3. На правах старшего по званию вынужден отменить приказ командования. Но из-за реки раздается рев тяжелых танков. Первые машины въезжают на мост, а на танках фашистские кресты. Я повернул ручку взрывной машинки и раздался оглушительный взрыв. Танки полетели в воду. Подошли наши войска и полностью уничтожили немецкое танковое подразделение. Совместными силами мы воссоздали переправу через реку и двинулись к Смоленску, выполнив два противоречивых приказа командования 20-ой Армии. ... Повезло.

16 июля 1941 г. В Смоленске получаю приказ взорвать знаменитый Успенский Собор в центре города, поскольку генерал Конев полагал, что этот храм является основным ориентиром для немецкой авиации и артиллерии. Пытаюсь возразить, объяснить нелепость приказа. Ведь немцы уже на окраинах Смоленска, а генерал Конев? По слухам, он в Москве. Но полковник из штаба Армии приказывает не рассуждать, а выполнять приказ. Саперы заложили под собор взрывчатку, подтащили к взрывателю провод от ПМ-3. К нам приближается треск немецких автоматов и с высоты (на которой расположен собор) видим, что наши войска спешно оставляют город. Взрывать собор глупо, и саперы не торопятся подключать провод от взрывателя. Подъезжает тот же полковник штабист, спрашивает о причинах невыполнения приказа и требует ускорить взрыв. Говорю ему, что, вероятно, неисправна взрывная машинка. Он сам хватается за ручку на взрыв. Безрезультатно. ... Приказывает мне спешно уводить роту на восток к Днепру и организовать переправу для танков у деревни Соловьево. Уходим с чувством выполненного долга перед Богом и Людьми: возвышающийся над городской застройкой древнейший храм Смоленска - хороший ориентир теперь уже для нашей авиации и артиллерии. Но огненное кольцо сомкнулось, мы окружены. Готовимся к прорыву...

«Гитлеровцы знали: в нескольких десятках километров от г. Рудни раскинулся на холмах Смоленск, а от него прямой путь на Москву. Вдруг раздался взрыв и над головным танком поднялся дым, он остановился и загорелся. ... Через две-три минуты вновь раздался взрыв, и загорелась еще одна машина. ... По радиации поступила команда развернуться в боевой порядок. А снаряды рвались и рвались – назревала паника. Ведь с танков, следовавших за тремя передними, ничего не было видно. Лишь сойдя с шоссе и построившись в боевой порядок, танкисты удивились еще раз. Стреляла по танковой колонне одинокая пушка, поставленная прямо на шоссе, стреляла необычно метко. (В лоб танков, следовавших друг за другом? — *А.К.*) А когда танки открыли огонь по одинокой маленькой пушке русских, от нее побежали двое: один в красноармейской форме, а второй... в галифе, с генеральскими лампасами... Стрелявшие успели вскочить в легковую машину, она под разрывами танковых снарядов покатила к кустам, которые скрыли ее (? — *А.К.*). Тогда развернувшаяся танковая колонна сосредоточила огонь по маленькой рожице. Легковушка вырвалась на поле, вокруг нее заплясали темные столбы взрывов, а когда из подбитой машины выскочили люди, танкисты открыли по ним пулеметный огонь. Человек в галифе с лампасами, добежав до забора, удивительно легко перемахнул через него... Скоро все убежавшие, несмотря на свинцовый пулеметный ливень, скрылись за домами... Человек с лампасами, стрелявший по танкам, был командующий армией генерал-лейтенант Иван Степанович Конев...».²⁹

На каком шоссе и у какой деревни между Рудней и Смоленском оказались немецкие танки, которые бил в лоб генерал Конев из одинокой пушки, а затем «удивительно легко перемахнул через» забор? Недолгоблюдали мы генерала Конева, «перемахнувшего» через Смоленск в Москву. А три армии выводил тогда из окружения уважаемый в войсках генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин.

22 июля 1941 г. Ура! Под вой «катюш», грохот артиллерии и танков прорываемся из окружения. Трогательная встреча с передовыми частями 16-ой Армии. И сразу же, скрытно по болотам, поросшим кустарником, моя рота начинает прокладывать лежневки с переходами через водостоки для танков и тяжелой артиллерии; готовимся к возвращению в Смоленск. Инструктирую прибывших милых девушек-регулирующих, которые обязаны управлять движением по секретным «грунтовым улучшенным»

²⁹ Там же. С.65-66.

дорогам и не должны обращать внимание на разрывы бомб и снарядов. Задача не из простых, но девчушки достойно переносят тяготы и лишения этой чудовищной войны...

«Солдатское радио» оповещает о приближении свежих сил армии генерала Рокоссовского, настроение у нас боевое. Но и немцы не «празднуют труса». Наблюдал за воздушным боем трех наших истребителей с их эскадрилей бомбардировщиков. Один из них был сбит, остальные обратились в бегство. В экипаже сбитого самолета оказалась женщина. Они выдыхаются? Прекрасно!

23-25 июля 1941 г. Впервые с начала войны наши самолеты массированно бомбили немецкие позиции (восточнее Смоленска). Спротивление врага сломлено, мы вошли в город, жители ликуют.

27 июля 1941 г. Мы удерживаем восточную часть Смоленска, но две наши армии снова окружены, немецкие войска (уже за Днепром) преградили нам путь на восток. Печально пребывать в роли окольцованных победителей без боеприпасов и продуктов. Когда же мы научимся окружать части противника? Не слишком ли большой кровью постигается нашими генералами наука побеждать?

28-29 июля 1941 г. Нас непрерывно бомбят; шрапнель, разрывы мин уносят ежеминутно жизни красноармейцев. Мы без горючего, боеприпасов, бинтов и медикаментов голодаем у правого берега Днепра. На противоположной стороне Днепра скопление наших войск «достаёт» шрапнелью немецкие артиллеристы; кто-то их корректирует, находясь рядом (возможно, среди нас).

Появившийся генерал из штаба Западного фронта (не назвал своей фамилии) собрал в деревне Соловьево совет командиров. На этом совете передо мной, как специалистом по переправам, была поставлена краткая задача: «Переправа или смерть!» Для меня основная проблема не ширина реки, а крутизна берегов: с правого берега нужно спустить, а на левый берег поднять тяжелую армейскую технику. В моем распоряжении машин, танков и тракторов нет. Решил планировать береговые откосы взрывами и спускать грунт в Днепр. Противник за нами наблюдает, нам мешает яростный огонь артиллерии и бомбежки. Но, привыкнув к невыносимому ранее вою их авиации, к разрывам снарядов, несем свой крест, несмотря на шрапнель, которая систематически уносит вниз по Днепру безжизненные тела моих саперов. После того, как переправу в очередной раз разбили, от роты осталось 11 человек (командир 2-го взвода Степан Лесковец, ротный врач Леша Гусев, 8 саперов и я — командир роты); мы решили вплавь перебираться на восточный берег Днепра. Подплываем к левому берегу, а оттуда нас начинают обстреливать немецкие автоматчики. По течению, под прикрытием кустов стремимся к спасительному приднепровскому болоту...

С 30 на 31 июля 1941 года группой из 14 человек (все, что осталось от батальона) вырвались из окружения. Скрытно маскируясь, идем куда-то по лесу; встречаем местного лесника. Он вывел нас к дороге... Под Вязьмой при очередном безумном наступлении нашей голодной и безоружной Армии на врага (обрушившего на нас артиллерийский и минометный огонь, не жалея снарядов и мин), я был тяжело контужен и глухим оказался в плену. По счастливой случайности вместе со мной оказался и командир 2-го саперного взвода моей роты Степан Лесковец, который помог убежать к партизанам. Под Вязьмой был тяжело ранен и безногим оказался в плену даже выдающийся наш генерал Лукин, забытый несомненный Герой Московского сражения.

Надеюсь, что в обозримом будущем воспоминания участников-очевидцев отдельных событий Великой Отечественной войны потребуются для их обобщения и публикации без идеологических сокращений («уточнений») ... Подобное не должно повторяться.